ЕЛЕНА ВЕЛЬСКАЯ

Та, которой НЕ БЫЛО

Елена Вельская

Та, которой не было

https://litres.ru/74567438
SelfPub; 2026

Аннотация

В семье Веры о прошлом говорили мало. Она знала, что её бабушка Галина погибла совсем молодой, а дед один вырастил их маленькую дочь. И никогда не думала, что из семейной истории мог исчезнуть целый человек.

После смерти давней знакомой семьи к деду попадает коробка со старыми фотографиями. На одном снимке лицо женщины аккуратно вырезано. А среди бумаг лежит записка:

«Если когда-нибудь захочешь узнать правду, спроси деда про семнадцатое июля. И спроси его про Лиду».

Но на вопрос, кто такая Лида, дед отвечает одним словом:

«Никто».

Вера начинает искать женщину, которую словно вырезали не только из фотографий, но и из памяти семьи. И постепенно понимает: самые тяжёлые тайны иногда хранят не из ненависти, а из любви.

История о четырёх поколениях женщин, материнстве, семейных тайнах и цене молчания.

Елена Вельская
Та, которой не было

Глава 1

Глава 1

Коробка

Вера поняла, что дед опять не принимает таблетки, по вазочке с конфетами.

Она стояла на прежнем месте — между сахарницей и старым радиоприёмником, который Виктор Сергеевич отказывался выбрасывать уже лет пятнадцать. Среди ярких фантиков совершенно невинно белели две таблетки.

— Дед.

— Что?

Он даже не обернулся. Стоял у плиты и помешивал что-то в маленькой кастрюле.

— Это что?

— Где?

— Не начинай.

Вера подняла таблетку двумя пальцами.

— Я спрашиваю: это что?

Виктор Сергеевич посмотрел через плечо.

— Таблетка.

— Спасибо. А я думала, пуговица. Почему она здесь?

— Горькая.

Вера вздохнула.

— Дед, тебе восемьдесят шесть.

— Спасибо, что напомнила.

— И давление у тебя…

— Сто двадцать восемь на семьдесят шесть.

— Сегодня?

— Вчера.

— А сегодня?

— Сегодня я ещё не решил.

Вера рассмеялась. С ним всегда было невозможно долго сердиться.

— Остальные давай.

— Какие остальные?

— Таблетки.

— Нет у меня никаких остальных. Лучше продукты разбери. Там мороженое растает.

Это тоже было в его характере: если разговор становился ему невыгоден, Виктор Сергеевич просто объявлял его законченным.

Вера открыла холодильник.

— Зачем тебе три пачки масла?

— Акция была.

— А четыре пачки творога?

— Тоже акция.

— Ты один живёшь.

— Это временно.

Вера замерла с творогом в руке.

— В смысле?

Дед выдержал паузу.

— Творог временно. Я его съем.

— Господи…

— А ты что подумала?

— Ничего.

Он усмехнулся.

Вот за это Вера любила приезжать к нему по субботам. Здесь почти ничего не менялось: те же светлые занавески на кухне, которые он сам стирал и гладил, потому что «вы всё равно повесите криво», те же часы с кукушкой в комнате, та же фотография Галины на стене.

Бабушке Гале навсегда осталось двадцать три.

Молодая женщина с густыми тёмными волосами смотрела в объектив серьёзно, будто фотограф предупредил её, что улыбаться нельзя.

Вера её никогда не знала. Да и мама почти не помнила: Галина погибла, когда Наталье было всего несколько месяцев.

Поэтому бабушки в Вериной жизни не было.

Зато был дед.

Он водил её в детский сад, учил кататься на велосипеде, проверял дневник и единственный в семье после экзамена

спрашивал не «Какую оценку получила?», а:

— Сама довольна?

А когда шестнадцатилетняя Вера впервые вернулась домой после полуночи и мать устроила скандал, дед сказал:

— Ты хотя бы звони. Люди не должны представлять себе самое страшное, если можно просто сказать, что ты жива.

Почему-то эту фразу Вера помнила до сих пор.

— Вер, коробку заберёшь?

— Какую коробку?

— В комнате стоит.

— Ты утром сказал: «Заедешь — кое-что посмотришь».

— Ну вот и посмотришь.

Возле кресла действительно стояла старая картонная коробка, перевязанная бечёвкой. На крышке выцветшим фломастером было написано: «В. С.»

— Откуда она?

— Вчера принесли.

— Кто?

— Ирина.

Вера вопросительно посмотрела на него.

— Дочь Анны Павловны.

Имя она, конечно, знала. Анна Павловна прожила в соседнем доме столько, сколько Вера себя помнила. Маленькая сухонькая женщина, которая летом сидела у подъезда с книжкой и продолжала называть её Верочкой даже после сорока.

— Она умерла?

Виктор Сергеевич кивнул.

— В понедельник.

— А ты мне не сказал.

— Восемьдесят девять. Уснула и не проснулась. Хорошая смерть.

— Дед!

— А что «дед»? В моём возрасте уже можно иметь мнение о хорошей смерти.

— Можно хотя бы не за обедом?

— Можно. Но скучно.

Он поставил перед ней тарелку.

— Ешь.

— Я не хочу.

— Тогда посиди и посмотри, как я ем.

— Это эмоциональный шантаж.

— Да.

Через пять минут перед Верой уже стояла собственная тарелка супа.

* * *

Коробку они открыли после обеда.

— Ирина квартиру разбирает, — сказал дед. — Нашла в шкафу. Анна велела мне передать.

— Что там?

— Если бы знал, коробка была бы уже открыта.

Вера перерезала бечёвку. Пахнуло старой бумагой.

Сверху лежали открытки: «С Новым, 1978 годом!», «Поздравляем с Первомаем!», «С праздником Великого Октября!».

— Зачем она всё это хранила?

— Раньше люди всё хранили.

— Зачем?

— Вещей было меньше.

— Очень глубокая мысль.

— Бесплатно. Пользуйся.

Под открытками оказались фотографии.

Вот это было интереснее.

Вера с детства любила старые снимки. Ей нравилось рассматривать незнакомые лица, угадывать отношения, замечать случайно попавшие в кадр детали чужой жизни.

Она взяла первую. Лето. Деревянный дом. Длинный стол во дворе. Человек десять.

— Это ты?

Дед надел очки.

— Я.

— Какой худой.

— Нормальный.

— У тебя талия тоньше моей.

— Работать надо было больше.

— Конечно.

Следующая фотография — первомайская демонстрация. Потом мужчины возле автомобиля, дети на санках, компа-

ния молодых женщин в коротких платьях.

— А это мама?

— Нет. Светка Рябова.

— Ты серьёзно её помнишь?

— А чего мне не помнить?

— Фотографии лет пятьдесят.

— Семьдесят второго года.

— Тем более.

— Светка в третьем подъезде жила.

Вера уже хотела поддеть его за память, которая почему-то прекрасно сохраняла Светку Рябову из третьего подъезда, когда достала следующий снимок.

Он был цветным.

— О, восьмидесятые.

Несколько человек стояли перед небольшим дачным домом. Мужчины в рубашках с короткими рукавами, женщины в летних платьях. Позади — яблоня, тяжёлые ветки подпёрты досками.

Вера скользнула взглядом по лицам и уже собиралась отложить фотографию.

Потом вернулась к ней.

— Ничего себе.

— Что там?

Она поднесла снимок ближе.

У женщины, стоявшей второй справа, не было лица.

Не выцвело. Не было испорчено пятном.

Лицо вырезали.

Аккуратно — маленьким овалом, почти по контуру головы.

Осталось светлое платье, тонкая рука, несколько прядей волос на плечах.

Только лица не было.

— Дед, посмотри.

— Что?

— Здесь у женщины лицо вырезано.

Виктор Сергеевич взял фотографию.

И на мгновение перестал улыбаться.

Это длилось секунду, может быть, меньше. Потом его лицо снова стало обычным.

Но Вера уже увидела.

— Кто это?

Дед вернул снимок.

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Не знаю.

— Светку Рябову из третьего подъезда узнал.

— И что?

— А женщину, с которой стоишь на одной фотографии, не узнаёшь?

Виктор Сергеевич снова посмотрел на снимок.

— Может, знакомая чья-нибудь.

Вера нашла его среди людей. Дед стоял слева — молодой

ещё, чуть за сорок. Рядом с ним Анна Павловна.

Она стала показывать остальных по очереди.

Толик.

Зина.

Жена Толика.

На каждого у Виктора Сергеевича находилось имя.

Кроме женщины без лица.

Вера перевернула фотографию.

Синими чернилами было написано:

«Август 1983. У Ани на даче».

Ниже — имена: Витя, Аня, Толик, Зина…

Последнее почти стёрлось.

Вера подошла к окну, повернула фотографию к свету.

— Здесь ещё имя было.

— Возможно.

— На «Л».

— Мало ли имён на «Л».

Виктор Сергеевич поднялся.

— Чай будешь?

— Дед.

— Ну?

— Зачем кому-то вырезать лицо?

— Спроси у того, кто вырезал.

— А кто вырезал?

— Откуда я знаю?

Он ушёл на кухню.

Вера осталась с фотографией в руке.

Светлое платье. Тонкая рука. Несколько прядей волос.

И аккуратная пустота вместо лица.

Странно было даже не то, что кто-то взял ножницы.

Странно было другое.

Фотографию не порвали. Не выбросили. Не уничтожили.

На ней оставили всех.

Кроме неё.

* * *

На дне коробки лежали письма. Вера не стала их разворачивать. Под ними нашлись старая записная книжка, несколько квитанций и маленький пожелтевший конверт.

Она уже собиралась положить его обратно, когда увидела своё имя.

«Вере».

Вера нахмурилась.

Ниже, другими чернилами, было написано ещё одно слово:

«Когда-нибудь».

— Дед.

Из кухни донёсся звон чашек.

— Иди сюда.

— Что ещё?

— Тут мне.

Виктор Сергеевич вошёл с двумя чашками. Увидел конверт и остановился.

Совсем ненадолго.

Но сегодня Вера почему-то замечала каждую его паузу.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Ты его видел?

— Нет.

— А что тогда?

— Ничего, Вер. Открывай.

Внутри лежал сложенный вчетверо лист. Почерк был ровный, старомодный.

Вера прочитала первые строки молча.

— Это Анна Павловна писала?

— Покажи.

Она не отдала лист.

— «Верочка, прости, что вмешиваюсь. Некоторые обещания нельзя уносить с собой».

Виктор Сергеевич медленно поставил чашку на стол.

Вера продолжила:

— «Если когда-нибудь захочешь узнать правду, спроси деда про семнадцатое июля».

Она подняла глаза.

— Какое семнадцатое июля?

— Не знаю.

Вера снова посмотрела на письмо.

Оставалась одна строка.

— «И спроси его про Лиду».

В соседней комнате тикали часы.

— Всё, — сказала Вера.

Виктор Сергеевич протянул руку.

— Дай.

— Подожди.

— Вера.

— Что случилось семнадцатого июля?

— Откуда я знаю?

— Дед…

— Дай письмо.

Она отодвинула руку.

— Ты сейчас серьёзно?

— Вполне.

— Женщина перед смертью оставляет мне записку и пишет, чтобы я спросила тебя про конкретный день, а ты даже не спрашиваешь, какого года?

Виктор Сергеевич снял очки и медленно протёр их краем рубашки.

Вера знала этот жест.

Так он делал, когда ему требовалось время.

— Анна под старость чудила, — сказал он.

— Возможно.

— Вот и всё.

— Нет.

Вера посмотрела на лист.

— Не всё.

Он молчал.

— Кто такая Лида?

Что-то изменилось в его лице.

Совсем немного. Другой человек, возможно, ничего бы не заметил.

Вера заметила.

Дед побледнел.

Но даже не это заставило её выпрямиться.

Он не спросил: «Какая Лида?»

Не нахмурился, пытаясь вспомнить.

Не переспросил имя.

Он сразу понял, о ком речь.

Виктор Сергеевич снова протянул руку.

На этот раз Вера отдала письмо.

Он аккуратно сложил лист по старым сгибам. Раз. Потом ещё раз. Положил перед собой и провёл пальцем по краю бумаги.

— Дед?

Он не ответил.

— Кто такая Лида?

Несколько секунд Виктор Сергеевич смотрел на письмо.

Потом поднял глаза.

— Никто.